

Гольцева Галина Константиновна

"ОГОЛЬЦОВЩИНА" И "АНТОНОВЩИНА": СВЯЗЬ МИФИЧЕСКАЯ И РЕАЛЬНАЯ

В статье на материалах Государственного архива Рязанской области рассматриваются отдельные события не совсем обычного крестьянского восстания - так называемой огольцовщины (Рязский уезд Рязанской губернии, май-декабрь 1920 г.); отмечаются особенности его возникновения и протекания, связанные с личностными качествами вожаков, возглавлявших его на разных стадиях. Впервые автором осуществлена документальная проверка приводимых в литературе сведений о связи "огольцовщины" и "антоновщины", сделана попытка сравнения их вожаков, что еще не являлось объектом изучения; обосновывается версия подготовки "огольцовщины" чекистами и фиксируется тип революционного авантюриста как неперменного участника подобных операций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 2. С. 20-26. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

14. **О реабилитации жертв политических репрессий:** Закон Российской Федерации от 18.10.1991 г. № 1761-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 44. Ст. 1428.
15. **Сазонов В. В.** У истоков крестьянского восстания на Тамбовщине // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 75-83.
16. **Самошкин В. В.** Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 357 с.
17. **Сенников Б. В.** Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1929-1933 гг. / под ред. Р. Г. Гагкуева и Б. С. Пушкарева. М.: Посев, 2004. 176 с.
18. **Сенников Б. В., Самошкин В. В., Литовский А. Н.** История уничтожения лучших людей Тамбовщины. Тамбов, 2009. 207 с.
19. **Советское уголовное право. Общая часть.** М.: Юридическая литература, 1977. 544 с.
20. **Тамбовское восстание 1920-1921 годов. Справка** [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/history_spravki/20100616/246962919.html (дата обращения: 26.04.2017).
21. **Уголовное право России. Части Общая и Особенная:** учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рапог. М.: Проспект, 2015. 548 с.
22. **Фельдман Д.** Крестьянская война // Родина. 1989. № 10. С. 52-57.

PEASANT REBELLION IN TAMBOV REGION: LEGAL VIEW ON HISTORIC EVENTS

Vorob'ev Nikolai Ivanovich, Ph. D. in Law, Associate Professor
Russian New University (Branch) in Tambov
nikolai-vorobev@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of legal aspects and juridical assessment of the events and actions that took place during the peasant rebellion in Tambov province in 1918-1921. Tambov rebellion is regarded as a massive and organized regional uprising, which had all-Russian political and legal significance. The author associates the activity of the Bolsheviks in Tambov province of the period under study with complete denial of the value of human life, human rights and freedoms.

Key words and phrases: peasant rebellion; rehabilitation; legal facts; events and actions; crime; causes and conditions; legal acts; political and legal consciousness.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье на материалах Государственного архива Рязанской области рассматриваются отдельные события не совсем обычного крестьянского восстания – так называемой огольцовщины (Ряжский уезд Рязанской губернии, май-декабрь 1920 г.); отмечаются особенности его возникновения и протекания, связанные с личностными качествами вожаков, возглавлявших его на разных стадиях. Впервые автором осуществлена документальная проверка приводимых в литературе сведений о связи «огольцовщины» и «антоновщины», сделана попытка сравнения их вожаков, что еще не являлось объектом изучения; обосновывается версия подготовки «огольцовщины» чекистами и фиксируется тип революционного авантюриста как неперемного участника подобных операций.

Ключевые слова и фразы: «огольцовщина»; «антоновщина»; провокация ЧК; ненасильственное сопротивление; Никушин и Антонов; Киселев и Муравьев.

Гольцева Галина Константиновна

Государственный архив Рязанской области
ggk30@mail.ru

«ОГОЛЬЦОВЩИНА» И «АНТОНОВЩИНА»: СВЯЗЬ МИФИЧЕСКАЯ И РЕАЛЬНАЯ

«Огольцовщина» является ярким событием периода Гражданской войны в своей местности, оставившим заметный след в памяти населения. В конце 1990-х – 2000-х гг. началось документальное изучение и переосмысление восстания, но, к сожалению, процесс этот не был завершен. Сведения об «огольцовщине», вошедшие в справочную и учебную литературу первого десятилетия XXI в., представляют ее как рядовой эпизод Гражданской войны, являются неполными, страдают общими местами, одно из которых – неувязанный «факт» связи рязанских и тамбовских повстанцев [1, с. 115, 116; 27, с. 172-173; 28, с. 177; 29, с. 300; 31, с. 230-231; 32, с. 378-379].

Цель данной статьи – выявление взаимосвязи обоих событий, протекавших географически на пограничных территориях и вызванных одними и теми же причинами. Оба восстания несопоставимы ни по количеству участников и вовлеченного в его орбиту населения, ни по территориальному охвату, ни по взаимной ожесточенности сторон и кровопролитности, ни по затраченным на подавление силам и средствам. Восстания не были одновременными, их начальные стадии, демонстрировавшие вызов государству, отстояли друг от друга по времени не менее чем на три месяца: рязанское восстание к августу 1920 г. было уже давно разгромлено, в то время как тамбовское набирало силу [2; 9; 33].

И, тем не менее, «огольцовщина» была неординарным событием в Рязанской губернии. Она укоренилась в сознании многих людей как своеобразный опыт, о чем свидетельствуют неожиданные рефлексии памяти, которые нашли отражение в некоторых документах Государственного архива Рязанской области (далее – ГАРО). Так, например, основоположник советского архивного и музейного дела в Рязанской губернии, первый директор рязанского архива и музея С. Д. Яхонтов в своих воспоминаниях (середина 1930-х гг.), в основе которых лежат его переписка и дневники, назвал «огольцовщиной» отношение к архивам властей, которые своим невежеством способствовали гибели документального наследия, – по имени деятеля середины 1920-х гг., секретаря губисполкома Огольцова [21, д. 90, л. 68]. Еще один эпизод периода Великой Отечественной войны несомненно имеет подкладку «огольцовщины». Летом 1942 г. начальник управления милиции УНКВД, докладывая в облисполком о действиях дезертирских банд против местной власти в Сараевском и Ермишинском районах, приравнял их к проявлениям Гражданской войны [22, д. 88, л. 141-142]. «Огольцовщина», опиравшаяся на дезертиров, как раз и была в свое время наиболее ярким проявлением Гражданской войны на рязанской земле.

Название восстания впервые было употреблено в докладе председателя президиума Ряжского уездного исполкома в июне 1920 г. («в районе агальцовщины», «на время агальцовщины») на основании ассоциативной связи с традиционными наименованиями крестьянских войн [11, д. 159, л. 180] по имени первого вожака восставших – Федора Семеновича Афанасьева (Огольцов – уличная фамилия, Агалец, или Оголец – прозвище), чье руководство относится к подготовительной и начальной стадиям выступления [6; 7]. Официально, как правило, не употреблялось.

Огольцов (1896-1920), уроженец Ясеновской волости, происходивший из бедной семьи бывших дворовых людей, в годы «германской» войны проходил службу в запасных частях в Орле. К 1919 г. прочно утвердился в роли верховода молодежной дезертирской банды, выделившейся среди других дерзостью и безнаказанностью и завоевавшей этим своеобразный авторитет. Ярким антисоветским актом Огольцова стал налет на Ясеновский волысполком в марте 1920 г., предпринятый им с целью освободить своих товарищей, захваченных отрядом по борьбе с дезертирством и запертых под стражей в помещении при волысполкоме. Таким образом в волости появилась боевая единица, внятно заявившая о себе как о политической оппозиции.

Объективно восстание было прогнозируемым и ожидаемым. Секретно-оперативный отдел Рязанской губернской чрезвычайной комиссии (РГЧК) сообщал в октябре и ноябре 1919 г., что фактом, определяющим настроение населения, является продовольственная политика (в то время как дезертирство «прогрессивно уменьшается») [12, д. 19, л. 80, 91, 93]. Отчеты Ряжского уездного исполкома о продовольственном положении в волостях за март, апрель и май 1920 г. ставили губернский центр в известность о том, что «мешочничество сократилось, так как запасы хлеба почти совсем иссякли», «истощились почти все картофельные запасы из-за отсутствия хлеба» [14, д. 726, л. 163, 164, 174, 198, 203]. На заседаниях волостных исполкомов тогда же на первый план вышли вопросы продовольствия и снабжения, утверждались кандидатуры ходоков, направляемых за разъяснениями в Москву, как, например, в начале мая в Ясеновском вике [15, д. 59, л. 73]. Но главное, власти губернии уже были готовы к продолжению продовольственной войны со своим населением. Секретные приказы за февраль-апрель 1920 г., отложившиеся в документах 6-й отдельной бригады войск ВОХР (г. Рязань), передают содержание приказов и распоряжений из Москвы подразделениям ВОХР, действующим *по ликвидации восстаний* и работающим по заданиям Наркомата продовольствия, с подробными инструкциями о том, как и какие собирать сведения о восстании, как работать с захваченными материалами, как составить легенду (т.е. пояснение, отчет) восстания; как должны действовать отряды и отдельные бойцы, какова их личная ответственность, как усилить отряды (например, создавать резерв, в котором должно быть не менее роты с пулеметами), чтобы они «могли отстаивать свои интересы с оружием в руках, не сдаваясь в плен», и т.д. [20, д. 7, л. 10, 14].

Население Ряжского уезда было дополнительно взвинчено «широкими картофельными кампаниями»: декабрьской 1919 г. и апрельско-майской 1920 г. [8, с. 59]. В докладе от 20 мая 1920 г. начальника Рязанской уездной милиции Турбина, возвратившегося из командировки в Ряжский уезд, поводом к восстанию было названо проведение «картофельной недели» в уезде на фоне почти полного отсутствия картофеля [11, д. 112, л. 184]. Большую роль сыграли грубое насилие в проведении продовольственных мероприятий и их аморальный характер¹ [25, с. 9, 14].

В возникновении и развитии самого восстания останавливает внимание совпадение нескольких обстоятельств. Оно вспыхнуло именно тогда, когда практически одновременно вышли главные на тот момент документы правящей власти и ушедшей в подполье партии социал-революционеров (ПСР): Постановление ВЦИК и Совета обороны от 11 мая 1920 г., объявившее Рязанскую губернию на военном положении (было введено 14 мая) [11, д. 159, л. 1-4], и циркулярное письмо ЦК ПСР от 13 мая 1920 г., подписанное В. М. Черновым, содержавшее указание местным организациям приступить по всей стране к созданию союзов трудового крестьянства (СТК). И. П. Донков указывает, что в Тамбовской губернии фактически «эсеровские активисты» начали создавать нелегальные союзы трудового крестьянства как органы подготовки «широкого антисоветского восстания» еще раньше, упомянув, однако, что ПСР это отрицала [24, с. 19]. В опубликованных

¹ На «грубость и “неправду” советчиков» как причину «бунта крестьян» (крестьянских восстаний в ноябре 1918 г.) указывал и М. И. Воронков – председатель Рязанского горисполкома (1919), губисполкома (1920), комиссар продовольствия (1919-1920) (запись в дневнике от 9 февраля 1919 г.) [4, с. 113].

Д. П. Ивановым в 2013 г. воспоминаниях участника тамбовского восстания свидетельствуется, что подпольные «комитеты Трудового Крестьянского Союза» работали уже в первой половине 1919 г., якобы руководствуясь выработанной совместно с Антоновым тактикой [3, с. 369]. Как бы то ни было, но факт существования в соседней Тамбовской губернии формы нелегальной сельской оппозиции, видимо, имеет значение для понимания природы выступления рязских крестьян с их сочувствием партийной программе левых эсеров.

Был еще один фактор, последний, без которого восстание могло и не состояться: кто-то должен был поднести спичку к горячему материалу.

Иван Михайлович Киселев, известная в уезде личность¹, появился на Веревкинских лесоразработках в тот самый момент, когда сошлись все вышеназванные обстоятельства. Он выступил вдохновителем, агитатором и организатором выступления. Приводя в пример Огольцова, призывал работавших присоединиться к нему и возбуждал их чувства против «грабителей-коммунистов». Для Огольцова сформулировал отчетливую политическую цель: свержение Советской власти. От Киселева исходили провокационные сведения о падении Советов и призывы к наступлению на Рязск – крупную узловую станцию и оплот Советской власти в уезде. Он же взял в свои руки управление восстанием, организовав восставших фактически в партизанский отряд СТК, провозгласив известные лозунги ПСР. «Штаб» Киселева сразу обрел структуру: определился политический руководитель и идеолог (Киселев), появилось разделение на военное (Никушин) и общее руководство (Огольцов). Под диктовку Киселева была написана единственная листовка восставших, стоившая жизни написавшему ее Д. Е. Максиму², которому, вероятно, назначались секретарские и хозяйственные функции. Листовка декларировала свержение большевиков, гражданский мир, Учредительное собрание и мир во всем мире. Киселев был организатором митингов и главным оратором. Но люди не спешили вступать в «зеленую» армию³.

Первые (и последние) демонстративные акции Огольцов провел 14 и 16 мая 1920 г. небольшими отрядами, в трех волостных центрах, связанных почти прямой дорогой, очертив тем самым географию очага: Ясенок – Ухолово – Кораблино (совр. Ухоловский и Кораблинский районы Рязанской области). С ним выступили не более 120-150 «слабовольных» дезертиров, избегавших призыва под предлогом работы на лесных разработках – предприятиях оборонного значения. Вооружение было частью свое, частью добыто путем нападения на местные продовольственные отряды. На этом этапе восставшие получили моральную поддержку населения. Первые легкие победы над местными красноармейскими отрядами вызвали эйфорию у жителей ближайших селений. В следующие несколько дней выступление было образцово подавлено с помощью приехавших из Рязани войск ВОХР⁴ во главе с начальником штаба Андроновым, который видел свою основную задачу в том, чтобы преподать «хороший урок для будущего всему уезду» [11, д. 159, л. 184]. Были проведены публичные заседания выездной сессии губернского революционного трибунала и показательные расстрелы⁵.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что рязское восстание могло быть вызвано искусственно и представляет собой операцию, проведенную рязанскими чекистами. Об этом свидетельствуют некоторые косвенные документы. В своем дневнике (запись от 5 апреля 1919 г.) М. И. Воронков отметил по поводу доклада в губкомпарте председателя Рязанской губчека Н. И. Лырёва о борьбе с врагами Советской власти: «В целях защиты социализма приходится подсылать провокаторов к эсерам – противно, но очевидно неизбежно: деревня снова начала волноваться, как осенью, в связи с переучетом хлеба» [4, с. 135]. Имеются сведения секретно-оперативного отдела губчека за 1919 год о практике засылки агентов в уезды с целью проникновения в среду левых эсеров и достижения «желательных результатов» [11, д. 66, л. 359; 12, д. 19, л. 48]. Прямых подтверждений этому предположению нет из-за отсутствия документов. Но идеи внедрения агентов пронизывают, например, военную документацию – теркадра, уездного военкомата. В начале 1920 г. против банды Огольцова активно используется внутренняя разведка, а осенью в борьбе с «огольцовщиной» стали появляться в качестве агентов даже дезертиры [18, д. 654, л. 274, 275, 301].

Естественно предположить, что губчека в соответствии со своими докладами о левоэсеровской активности в Рязском уезде в 1919 г. и сведениями армейской разведки начала 1920 г. о противосоветском настроении населения в районе действия банды Огольцова могла осуществить превентивную операцию против предполагаемого народного возмущения. Была и подходящая кандидатура в лице И. М. Киселева. Данные, которые

¹ И. М. Киселев (1893 – ?) – из крестьян с. Ухолова, учитель, левый эсер, делегат Всероссийского съезда крестьянских депутатов (Москва, 11 декабря 1917 г.), участник Рязского уездного съезда Совета крестьянских депутатов (23 декабря 1917 г.). С конца мая по середину июля 1918 г. – уездный комиссар просвещения, скандально сбежавший после восстания левых эсеров в Москве.

² Д. Е. Максимов (1890-1920) – заведующий земельным отделом Ясеновского волысполкома, левый эсер с дореволюционным стажем, с марта 1920 г. – член РКП(б). Вероятно, родственник деятеля ПСР П. Д. Максимова (1879 – ?). Расстрелян 26 мая 1920 г. в Рязске.

³ Восставшие вошли в Ухолово небольшим отрядом с зелеными веточками на фуражках [18, д. 2327, л. 281].

⁴ На подавление «огольцовщины» был также вызван отряд 1-го запасного полка Моршанской школы – 104 человека с 2 пулеметами, расположившийся в Щурове – родной деревне Огольцова [7].

⁵ 26 мая в Рязске вместе с Д. Е. Максимовым были расстреляны жители с. Кипчакова, не признавшие себя виновными Г. Н. Пимкин, 25 лет, и Г. А. Пимкин, 21 года. В этот же день в с. Кораблине за выдачу подложных удостоверений дезертирам были расстреляны 2 сотрудника военкомата Сапожковского уезда. На другой день в Ясенке был проведен внеочередной волостной съезд с объявлением приказа № 3 начштаба ВОХР, предписания упорядочения и отношения уездного статбюро, принятых к сведению и немедленному исполнению. Таким образом, урок был многоцелевым. Своего рода соглашение с населением, скрепленное кровью.

косвенным образом подтверждают версию о вербовке Киселева, имеются в материалах допроса Д. Е. Максимова¹. Киселев действовал как хорошо подготовленный и осведомленный человек: он не просто спровоцировал бунт, но организовал выступление и выбрал Огольцова, угадав в нем харизматичного лидера [6]².

Подняв людей на восстание, он исчез на третий день с подложными документами и деньгами «штаба», награбленными накануне выступления. Этот трюк он проделывал не впервые. В свое время членов Рязского Совдепа поразила реакция комиссара просвещения Киселева на известие о мятеже левых эсеров в Москве: он инсценировал собственное убийство неким «Союзом 10» и скрылся. 20 июля 1918 г. дело об этом происшествии было заслушано на экстренном заседании уисполкома, 23 июля «особая чрезвычайная следственная» комиссия, расследовавшая дело, доложила, что «Киселев, чувствуя свое неустойчивое положение как левый эсер, совершил преступный симулярный акт, взявши народные деньги в сумме 8753 руб., как жалкий изменник, нагло-постыдно бежал из рядов революционеров Советской власти. При этом коллегия постановила: дать по всем железнодорожным организациям и всем совдепам городов Российской республики о задержании и доставлении Киселева в Рязжский Совдеп» [13, д. 1, л. 91]. В секретно-розыскной книге Рязанского губернского отделения уголовного розыска И. М. Киселев значился как сбежавший с казенными деньгами [16, д. 34 а, л. 133 об.].

Странно, что в этот раз власти как будто махнули рукой на главного поджигателя, на которого следствию указывали и свидетели, и главные обвиняемые и который даже не был объявлен в розыск.

К сожалению, отсутствие в архивном фонде РГЧК (ГАРО) и архиве Управления ФСБ по Рязанской области материалов о деятельности отделов губчека, в первую очередь секретно-оперативного, превращает документальное исследование в этой части в конспирологическую историю.

Характеризуя работу секретно-оперативных отделов, А. Г. Тепляков отмечает: «Главной стороной негласной работы являлось сознательное провоцирование секретными агентами лиц, подозревавшихся в нелояльности режиму, на какие-либо активные действия... Секретные сотрудники должны были играть роли заговорщиков и их активных пособников, передавать гражданам нелегальную литературу, документы, оружие, подталкивать их к резким нелояльным высказываниям, написанию листовок и т.д. – вплоть до участия в спровоцированных вооружённых выступлениях» [35].

«Огольцовщина» была фактически разгромлена, но не побеждена. Вопреки утверждениям авторов современных справочных статей, Огольцову не удалось создать своей «зеленой армии», он не оправился от поражения. Его легко завербованные сторонники разбежались и скрывались от следствия кто как мог. В ситуации военного положения, запуганности населения и активного преследования военно-милиейскими силами Огольцов предпочел раствориться в окрестных лесах, хорошо ему знакомых как бывшему лесному сторожу. В отчетных сведениях Рязжской уездной совмилиции отражена география его передвижений в мае и июне, отмеченная ограблениями мельниц, контор и советских учреждений в селениях Кипчаково, Благодарное, Пехлец, Григорьевское (Кривка), Пахомовка, Ключ, Кензино, Ухолово, Покровское, Кирилловка (Бухтинка) (совр. Кораблинский преимущественно и Ухоловский районы) – местах, далеких от границы с Тамбовской губернией³.

Тем не менее, друг за другом историки повторяют: «Существуют данные о том, что он был связан с тамбовскими повстанцами, действующими под руководством А. С. Антонова, через “Карася” (командира бригады партизанских полков Козловского уезда В. В. Никитина-Королева). Рязанские “зеленые” получали из Тамбовской губернии оружие и возвания, поставляя, в свою очередь украденных лошадей» [1, с. 115, 116; 31, с. 230; 32, с. 378]. Но отряд «Карася» возник осенью 1920 г. в непосредственной близости от Тамбова и занимался «самообороной» «своей» территории от продотрядов и отрядов по борьбе с дезертирством вне всякой связи с Антоновым. Таким образом, к Огольцову «Карась» не имеет никакого отношения. Позже он был вытеснен в восточную часть Козловского уезда, к Антонову примкнул лишь в конце марта 1921 г., когда последний предводитель «огольцовщины» Сергей Никушин ожидал исполнения приговора [2, с. 742; 33, с. 44]. Эта история имеет отношение не к «огольцовщине», а к рязанским отрядам, брошенным в 1921 г. на борьбу с «антоновщиной». Кроме того, конокрадством как таковым Огольцов не занимался. Да и название «зеленые» по отношению к кругу Огольцова в этот период не оправдано, в документах его называют: банда, шайка, отряд, партия, люди Огольцова. Это определение («зеленая армия Огольцова») появилось позже, было связано с личностью Никушина, с другими обстоятельствами и имело мифическое, а не реальное наполнение. Сам Огольцов был убит 1 июля 1920 г.

¹ Ранее Киселев, его близкий приятель, сообщил ему о своем намерении «бросить» должность комиссара просвещения и уйти на новое поприще, какое – не сказал. После «оставления» службы навестил его как-то раз в 1919 г. Сам Максимов узнал о появлении Киселева в шайке Огольцова месяца два назад [18, д. 1733, л. 119, 120]. В это самое время было отмечено резкое снижение активности Огольцова, так что судья полкового суда 81-го батальона ВОХР Н. Ф. Куров, рассматривавший дело о банде, 10 мая 1920 г. сделал заключение, что в результате работы отрядов по его поимке шайка распалась, а сам Огольцов бежал из пределов Рязжского уезда [Там же, л. 83].

² Внешне Огольцов как нельзя более соответствовал возвышенному образу народного защитника: красивый чернобрювый брюнет с курчавыми волосами, высокого роста, широкий в плечах. Наряд и снаряжение подчеркивали его статус: кожаная тужурка или плащ, коричневый френч, синие галифе, хромовые сапоги, офицерская желтая португеза, карабин, за ремень заткнуты два нагана, две бомбы. Он был молчалив, не агитировал, голос имел «вежливый и тихий» [Там же, д. 1737, л. 211, д. 2327, л. 240 об.].

³ Пока отряды Андропова прочесывали местность, часть повстанцев под водительством С. Никушина отошли в соседнюю Коноплинскую волость. Они дошли до с. Рагузина (Воронежские Верхи) и двинулись назад. Маршрут, занявший 3 дня, описан Никушиным в его «Дневнике путешествий с 19 мая 1920 года» [4, с. 464-468].

С этого дня начинается самая длительная стадия «огольцовщины» во главе с С. К. Никушиным, военным руководителем восстания, на долю которого выпало быть живым воплощением идеи «огольцовщины», небезосновательно беспокоившей губернские власти ввиду набравшего силу восстания в Тамбовской губернии.

Сергей Казьмич Никушин (04.10.1888 – 29.03.1921) – уроженец с. Кипчаково Княжовской волости, к концу войны старший унтер-офицер 10-го уланского Одесского полка, георгиевский кавалер (Георгиевские кресты 4-2 степеней, Георгиевская медаль 4 степени), помощник командира эскадрона. Первый председатель Княжовского волостного Совета (январь-апрель 1918 г.) и комиссар Княжовской волости (январь 1918 г.), с 1919 г. счетовод конторы Веревкинских лесных разработок, с 14 мая 1920 г. военачальник Огольцова [5]. Влияние его личности изменило ход восстания: открытое крестьянское возмущение перешло в область внутреннего неприятия власти, действия Никушина – в упорное противостояние ей.

Стало общим местом, что «только в июле», после гибели Огольцова, «власти смогли взять ситуацию под контроль» [27, с. 172-173; 28, с. 177]. На самом деле губернские власти с самого начала держали ситуацию под контролем, что позволило оперативно подавить восстание, но позже они почувствовали, что «огольцовщина» не закончилась. Это тревожило власти также ввиду приближения очередной продовольственной кампании. В августе чекисты, руководство 6-й бригады ВОХР, военный следователь поставили перед президиумом губисполкома вопрос о необходимости принятия репрессивных мер по отношению к населению в районе действия не уничтоженной до конца банды Огольцова [11, д. 114, л. 56]. Последовало ужесточение мер борьбы с бандитизмом и дезертирством по всем уездам губернии, усиление мер охраны и слежки, что отчасти восполняло нехватку военных сил и оружия¹, продление военного положения, и все это напрямую связывалось с именем Никушина [11, д. 159, л. 4; 12, д. 3]. Его действия не давали повода властям к ответной жестокости, но допустить наличие авторитетного идейного оппонента в среде, способной, с их точки зрения, пойти за потенциальным вожаком, было нельзя. Поэтому широко использовался прием морального унижения, уничтожения Никушина, его сравнивали с самыми ответными уголовными главарями, как и Антонова. Эту оценку воспроизвели партийные мемуаристы, из чьих воспоминаний она перекочевала в литературу заодно с «фактом» взаимодействия двух восстаний².

В глазах чекистов, милиции и военных, которые в этой ситуации объединились, позиция Никушина предстала как идейное сопротивление. Живой силы у Никушина не было, кроме доставшихся от Огольцова двух-трех верных сподвижников. Целей физического уничтожения по идейным или идеологическим основаниям он не преследовал. Организацией дезертирских банд в «зеленую армию» не занимался. Со временем распространил свои рейды по жизнеобеспечению на соседние Спасский и Пронский уезды Рязанской губернии. В отношениях с населением соблюдал определенный, не лишенный обаяния этикет, никогда не отступая от принятых правил. Наладил обмен добытых грабежом в советских учреждениях дефицитных товаров (соли, тканей, муки, зерна, фуража) на хлеб, обувь, одежду и разного рода мелкие бытовые услуги. Существовая в одном пространстве с дезертирскими бандами, Никушин вынужден был вступать с ними во взаимодействие, но сохранял независимое положение. Образ «атамана зеленой армии», левого эсера им создавался искусственно и поддерживался исключительно для внешнего мира. Вопросы самоидентификации и личного будущего для него были остро актуальны. Он сознавал, что не может рассчитывать на прощение властей, и пытался найти выход. Одной из попыток была поездка Никушина к Антонову, который в это время активно формировал свою партизанскую армию, в с. Нижнеспаское 27-28 октября 1920 г. Документов, подтверждающих это, кроме поддельного мандата Никушина на имя красноармейца Сергея Тимофеевича Кузьмина, командруемого в Тамбов, и показаний самого Никушина, нет. Пробыл у Антонова несколько дней. Что было предметом их долгой беседы, остается только предполагать. Речь могла идти о способности рязанского крестьянства подняться снова и присоединиться к Антонову³.

6-9 ноября, возвратившись из Тамбовской губернии, Никушин совершил серию нападений, самым дерзким из которых был захват члена революционного военного трибунала 5-й армии С. М. Бирюкова, приехавшего в отпуск. Пленение Бирюкова – переломный момент в судьбе Никушина. В беседе с высокопоставленным лицом он высказался против власти коммунистов – пьяниц и воров. В обмен на сохраненную Бирюкову жизнь просил его о взаимном одолжении: похлопотать в Москве об отправке его с товарищами на фронт для искупления вины и об освобождении из тюрьмы членов их семей. При этом уверил его в своих связях с Антоновым и «Марусей Спиридоновой» и пригрозил назначенным «на днях» совместным выступлением [30].

¹ Например, начальник 2-го района Рязской уездной милиции, с. Пехлец (эпицентр «огольцовщины»), 1 августа 1920 г. просил начальство о высылке револьверов, винтовок, патронов милиционерам, «иначе дело совсем плохое». Начальник же уездной милиции в конце октября докладывал: «...огромное большинство милиционеров не имеют совершенно никакого оружия и пользуются одним ружьем на несколько человек, в то время как в Рязском уезде до сего времени часто приходится иметь стачки (так в документе – Г. Г.) с бандой Никушина». Отряд же конной разведки губчека, присланный для борьбы с бандой, постоянно отвлекался на другие цели [17, д. 67, л. 214, д. 74, л. 105-107].

² Для заслуженных партийцев важен был их факт участия в борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, который давал им право на получение персональной пенсии. Для органов социального обеспечения нужен был документ о соответствующей должности, а не о фактической точности событий, поэтому будущий автор мемуаров писал в заявлении, что «в 1918-1919 гг. будучи командиром Рязского коммунистического отряда, принимал активное участие в разгроме бандитизма *Агальцова-Антонова* (курсив автора статьи – Г. Г.)». Эти сведения были подтверждены документами и воспоминаниями другого мемуариста, и Рязский райсовет выдал соответствующую справку, заменив Антонова на «кулацкие восстания в районе» (1946 г.) [10, д. 99, л. 37, 42].

³ О надеждах на присоединение к восстанию крестьян Рязанской и Нижегородской губерний упоминает участник «антоновщины» [3, с. 379].

Естественно, никакого совместного выступления не было. Отряды антоновцев в пределах Рязанской губернии появились впервые в феврале 1921 г., т.е. спустя почти три месяца после окончательной победы власти над «огольцовщиной». Никушин, находясь в это время в Рязанской губернской тюрьме, ожидал решения своей участи¹.

Документальные материалы органов власти, военных учреждений, в которых отложилась исключительная по многообразию документация об «огольцовщине», содержат также документы, отражающие совместные действия рязанских и тамбовских властей в борьбе с дезертирством, бандитизмом, уголовными преступлениями на пограничных территориях Ряжского и Козловского уездов в 1920 г., участие рязанских отрядов в борьбе с Антоновым в 1921 г. Эти последние дают возможность увидеть в сравнении два разных способа выражения крестьянского сопротивления. Налеты Никушина, до самого последнего, совершенного им 28 ноября 1920 г., ровно за неделю до рокового ранения, ставшего причиной его ареста, предстают визитами вежливости в сравнении с одним из первых на территории Рязанской губернии «наездом», совершенным отрядом антоновцев на с. Казинка Сапожковского уезда 20-23 февраля 1921 г. [5].

В контексте данной статьи уместно рассмотреть еще один мотив участия рязанцев в тамбовском восстании, связанный с именем Е. Ф. Муравьева (1896-1980), агента ЧК в стане Антонова. Бросается в глаза его сходство с одним из главных персонажей «огольцовщины» – Киселевым. Главные черты, объединяющие их, – авантюризм и аморальность. Свою политическую карьеру Муравьев начал в Рязани, где в 1916 г. окончил Александровскую учительскую семинарию с характеристикой, которая была оправдана дальнейшей деятельностью Муравьева. В декабре 1917 г. он председатель Совета крестьянских депутатов, комиссар земледелия и губернский комиссар по организации Советов, с 12 марта по 22 апреля 1918 г. – председатель Рязанского губернского военно-революционного комитета, деятельность которого была пресечена за разгул самовластья в городе, расстрелы и реквизиции и попытку поставить ВРК над Советами. Очевидцы оставили свои свидетельства о Муравьеве и его «художествах» в Рязани². С ними совпадает приведенное А. Г. Тепляковым мнение Г. Г. Ягоды о нем, доведенное им до председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского, от 05 января 1925 г.: «...со времени подавления “антоновщины” Муравьев “разложился”, а “к основному его недостатку... авантюризму – прибавилось и усилилось склочничество и шкурничество, иногда скрещивающиеся с шантажом» [34].

Итак, рязанско-тамбовские связи в период борьбы с дезертирством и крестьянскими восстаниями действительно существовали: ввиду общей угрозы свои усилия объединили власти обеих губерний, но не повстанцы.

Имея общие причины и мотивы для недовольства, среди крестьянских выступлений 1920-1921 гг. ряжское восстание выделяется быстрой сменой вожаков и своеобразной формой проявления протеста, связанной с позицией его последнего лидера, которую можно назвать ненасильственным сопротивлением.

В отличие от стихийной и пассионарной «антоновщины», «огольцовщина» представляется операцией, подготовленной чекистами с целью спровоцировать на открытое выступление наиболее активных противников политики, проводимой властью в деревне. В лице С. К. Никушина они столкнулись с фактором непредсказуемости, который помешал успеху запланированной операции³. Предводитель без войска, оппозиционер без партии, народный заступник без народной поддержки, он, понимая обреченность восстания перед лицом государственной машины, стал носителем идеи «огольцовщины», заключившей в себе дух народного сопротивления.

Никушин и Антонов – не просто разные люди или партийные оппоненты, но типологически разные личности и, более того, архетипически разные фигуры. Различия предводителей настолько велики, что разносят их в разные лагеря, причем Антонов удивительным образом по организации своего движения, идеологии, своим действиям и личностным качествам оказывается в лагере своих противников большевиков. В основе различия, как представляется, лежит принадлежность к несовместимым культурам. Антонов – представитель революционной субкультуры, Никушин – народной, основным живым компонентом которой является христианство. Нетипичное поведение Никушина не менее явственно, чем повстанческая война Антонова, оно доносило до властей мнение деревни и в то же время было фактором, сдерживавшим эскалацию жестокости. Понимая бесчеловечность Советской власти по отношению к крестьянству, Никушин понял и основное настроение народа – его нейтралитет и традицию безмолвного осуждения.

¹ При захвате Никушина у него был изъят обрывок листа с адресами и фамилиями людей, отношения которых к описываемым событиям установить не удалось: Петроград, Петроградская сторона, Малый проспект, 36-38, кв. 20 – Григорий Аполлинариевич **Картези**; Воронеж, Девичий монастырь, келья № 13 – Елизавета Карловна **Соколовская**; Ростов-на-Дону, Покровская ул., 49, – Иван Иванович **Иваников**; Тамбовская губерния, Липецкий уезд, ст. Писковатка ЮВЖД, с. Писковатка – Николай Андреевич **Козминский** или Максим Афанасьевич **Кучин** [18, д. 2327, л. 45/147].

² И. И. Проходцов: «Муравьев Евд., как прибыл сюда в Рязань... называл себя правым с.-р.; потом оборотился в октябре в левые с.-р., а теперь в анархиста. Менял шкуру, как змея. Общее мнение – мозгляк-дегенерат» и т.д. [26, с. 94-99, 102, 106, 116]. С. Д. Яхонтов, схваченный вместе с другими рязанскими педагогами на собрании по поводу «изгнания» Закона Божьего из школы в апреле 1918 г.: «Позади меня солдаты и позади них “Муравей”, бывший ученик учительской Рязанской семинарии. Муравьев сделался пред. чека (*ошибка автора – Г. Г.*). Пьяница, неврастеник; он в пьяном виде без разбора расстреливал. Авторитетом не пользовался. Муравьев ругался, сквернословил, грозил: “Знаю я вас всех! Всех перестреляю!”» [21, д. 89, л. 71].

³ В сведениях милиции за май 1920 г. «огольцовщина» предстает как контрреволюционное выступление [17, д. 71, л. 214], а в «Обзоре деятельности РГЧК за 1-е полугодие 1920 г.» – как дело о ряжских бандитах, которыми были ограблены две советские конторы, и занимает в списке наиболее крупных дел, раскрытых чекистами, лишь 12-е место (на втором, например, дело о спекуляции керосином, на пятом – арест группы анархистов-коммунистов) [23, д. 444, л. 5 об.].

Список источников

1. Акульшин П. В., Пылькин В. А. Бунтующий пахарь. Рязань: Рязанский обл. ин-т развития образования, 2000. 142 с.
2. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. 800 с.
3. Взгляд изнутри: воспоминания участника восстания / публ. Д. П. Иванова (Тамбов) // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 359-413.
4. Воронков М. И. Интеллигент и эпоха: дневники, воспоминания и статьи (1911-1941 гг.) / сост., вступ. ст. и коммент. А. О. Никитина. Рязань, 2013. 684 с.
5. Гольцева Г. К. Императивы «атамана» Никушина // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 308-313.
6. Гольцева Г. К. Мифология «огольцовщины» // Шестые Яхонтовские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Рязань, 12-15 октября 2010 г.) / отв. ред. И. Г. Кусова. Рязань, 2012. С. 343-353.
7. Гольцева Г. К. Огольцовщина. Новые материалы и факты // Пятые Яхонтовские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Рязань, 14-17 октября 2008 г.) / отв. ред. И. Г. Кусова. Рязань, 2010. С. 450-468.
8. Гольцева Г. К. Опыт археографического прочтения мемуаров старых большевиков (на примере воспоминаний И. Ф. Вышегородцева) // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 48-69.
9. Гольцева Г. К. Разгром, или Почему «огольцовщина» не стала рязанской «антоновщиной» // Рязские вести. 2009. 23 апреля; 30 апреля.
10. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. П-5294. Оп. 2.
11. ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1.
12. ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 2.
13. ГАРО. Ф. Р-15. Оп. 3.
14. ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1.
15. ГАРО. Ф. Р-1262. Оп. 1.
16. ГАРО. Ф. Р-2115. Оп. 1.
17. ГАРО. Ф. Р-2139. Оп. 1.
18. ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1.
19. ГАРО. Ф. Р-2667. Оп. 1.
20. ГАРО. Ф. Р-2758. Оп. 1.
21. ГАРО. Ф. Р-2798. Оп. 1.
22. ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9 (2 вн.).
23. ГАРО. Ф. Р-4983. Оп. 1.
24. Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. М.: Политиздат, 1977. 127 с.
25. Журнал заседаний 6-го Рязского уездного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 29-30 ноября, 1-2 декабря 1920 г. Рязск: Типография Укомпарта № 1, 1920. 38 с.
26. «...изошрение удержаться у власти»: дневник И. И. Проходцева. Март 1917 – март 1918 / публ. Г. К. Гольцевой // Рязанская вивлиофика: исторический альманах / науч. ред. А. А. Севастьянова. Рязань: Александр Рутман, 2001. Вып. 3. С. 82-123.
27. История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778-2000 гг. / под ред. П. В. Акульшина. Рязань: Пресса, 2000. 480 с.
28. История Рязанского края 1778-2007 / под ред. П. В. Акульшина. Рязань: Изд-во Рязанской обл. тип., 2007. 447 с.
29. Пылькин В. А. Огольцовский фронт рязанских коммунистов // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 295-306.
30. Рапорт члена реввоен трибунала 5-й армии С. М. Бирюкова / публ. Г. К. Гольцевой (Рязань) // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 308-313.
31. Рязская энциклопедия / Администрация Рязского р-на Рязанской обл.; Рязанский областной институт развития образования; гл. ред. Б. В. Горбунов. Рязань: Поворенный, 2002. 448 с.
32. Рязанская энциклопедия. Рязань: ПервопечатникЪ, 2014. Том дополнительных материалов / Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 36 / под ред., сост., введение и предисл. Б. В. Горбунова. 644 с.
33. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 360 с.
34. Тепляков А. Г. Кровавое в кривом: органы госбезопасности СССР в зеркале ведомственной историографии [Электронный ресурс] // Клио. 2012. № 6 (66). С. 141-148. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=57826> (дата обращения: 13.03.2014).
35. Тепляков А. Г. «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920-1930-е годы [Электронный ресурс] // Российская история. 2013. № 4. С. 101-115. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=63379> (дата обращения: 21.03.2017).

“OGOLTSOVSHCHINA” AND “ANTONOVSHCHINA”: MYTHICAL AND REAL RELATION

Gol'tseva Galina Konstantinovna
 State Archive of Ryazan Region
 ggk30@mail.ru

The article by the materials of the State Archive of Ryazan region examines the events of a rather unusual peasant revolt – the so called “Ogol'tsovshchina” (Ryazhsk uyezd of Ryazan province, May-December, 1920); the paper identifies peculiarities of its origin and development associated with the personal qualities of the leaders, who were in command in different periods. The author for the first time provides documentary examination of available data on relation between “Ogol'tsovshchina” and “Antonovshchina”, makes a comparison between their leaders, which has not been previously done. The researcher argues that “Ogol'tsovshchina” was inspired by security officers and describes the type of the revolutionary adventurer as a necessary participant of such operations.

Key words and phrases: “Ogol'tsovshchina”; “Antonovshchina”; Cheka provocation; nonviolent resistance; Nikushin and Antonov; Kiselev and Muravyov.